

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ГЕНЕРАЛА А. М. КАЛЕДИНА В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Н. В. Гречушкина

*Липецкий государственный педагогический университет
им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского*

Поступила в редакцию 28 августа 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается позиция М. А. Шолохова относительно личности атамана А. М. Каледина. На страницах «Тихого Дона» данный исторический образ представлен трагическим. М. А. Шолохов видит в гибели атамана очередную неоправданную жертву гражданской войны, пытаясь возродить в людях понимание ценности жизни другого человека.

Ключевые слова: человек долга, страдание, ценность жизни, божественное мироздание, вера, совесть, трагедия.

Abstract: the article examines the position of M. A. Sholokhov regarding the identity of the ataman A. M. Kaledin. On the pages of «The Quiet Don» the historical image represented tragic. M. A. Sholokhov sees in the death of the ataman another unjustified victim of the civil war, trying to revive the people's understanding of the value of another person's live

Key words: a man of duty, suffering, divine creation, faith, conscience, tragedy.

Белое движение в романе «Тихий Дон» продолжает оставаться малоизученным сегментом шолоховедения. События столетней давности требуют качественно новой интерпретации, поскольку образы вождей белого дела зачастую неправомерно идеализируются современниками. Целью данной статьи является определение максимально точной авторской позиции по отношению к историческим персонажам, изображённым в романе «Тихий Дон».

Личность А. М. Каледина занимает в этом ряду особое место. После падения самодержавия донское казачество вернулось к своей традиционной форме правления — Казачьему Кругу, который существовал на Дону до подчинения его воле монарха. Казалось бы, исполнилась, наконец, мечта донских демократов о том, чтобы Область войска Донского управлялась природным казаком-атаманом. Не случайно ведь надежды представителей белого движения на Л. Г. Корнилова как вождя были связаны с его казачьим происхождением. Знаменательно, что и образ А. М. Каледина — первого после революции атамана из казаков — появляется на страницах «Тихого Дона» в диалоге с Л. Г. Корниловым, где идёт разговор о судьбе послереволюционной России. Корнилов предлагает радикальные меры по обузданию анархии в стране: «Милитаризация тыла, установление карающей руки, беспощадное истребление всех большевиков — этих носителей маразма — вот наши задачи. Могу я заручиться и в дальнейшем вашей поддержкой, Алексей Максимович?

— Я безоговорочно с вами» [3, 469].

Твёрдость генералов в попытке прекратить развитие государственных проблем не может не вызывать уважения. Однако именно А. М. Каледина как наиболее трагической фигуре из белых вождей была явлена утопичность этой попытки в самом начале её реализации. На вопрос Л. Г. Корнилова, каковы настроения на Дону, А. М. Каледин прямо отвечает: «Нет у меня прежней веры в казака... Боюсь, что на стыке интересов казачества и иногородних и может произойти разрыв... вокруг этой оси вертятся сейчас мысли и тех, и других» [3, 470].

А. М. Каледин был сторонником идеи паритета прав казаков и иногородних на тихом Дону. Но в конце концов от него отшатнулись и те, и другие. При создании образа Каледина у М. А. Шолохова активно используются диалоги и портретные характеристики, а также оценка атамана разными персонажами. Изначально он покрыт дымкой обречённости, которая пока ещё проскальзывает только в особенностях его взгляда: «угрюмого, исподлобного», несущего на себе печать «хмурой усталости». И если Л. Г. Корнилов преисполнен горячих, радостных надежд на благополучное завершение задуманного, то А. М. Каледин совершенно трезво представляет себе драматическое положение дел на Дону, который считался оплотом контрреволюции. В диалоге генералов мелькает ключевое понятие «блудословия», в котором Временное правительство утопило страну. Это понятие очень важно для уяснения безысходной трагедии Каледина.

Следующий эпизод появления Каледина в романе связан с его спором-диалогом с Подтёлковым и представителями ревкома. Выход атамана в залу областного правления сопровождается подробным описанием пластики его движений: «Твердым, во всю ступню, волчьим шагом прошёл чуть сутулый Каледин, сопутствующий Богаевским. Он отодвинул свой стул, уселся, спокойным движением положил на стол защитную фуражку... Каждое движение его было налитое твердой медлительной уверенностью, зрелой силой; обычно так держат себя люди, побывавшие у власти, выработавшие на протяжении ряда лет особую, отличную от других, осанку, манеру носить голову, походку» [3, 565].

Это описание свидетельствует о стремлении М. А. Шолохова к изображению донского атамана, которое не может не вызывать симпатии у читателя. Автор «Тихого Дона» верен избранной цели: показать субъективную, личную честность вождей белого движения, не упуская из виду того, что они сознательно шли на развязывание гражданской войны. Не случайно в вышеприведенной цитате далее следует сопоставление Каледина с Подтёлковым. Два лидера вступают в диалог, пытаясь избежать возможности большой крови. Однако Подтёлков как большевик не может не разделять убеждения Ленина в том, что гражданская война необходима. А. М. Каледин ещё до переговоров отдал приказ Чернецову о наступлении на красноармейцев. Пространные диалоги атамана и Подтёлкова превращаются в политическую игру, они до дна высвечивают не только позиции разных сторон, но и принципиальную невозможность их примирения. Так, в который раз автор «Тихого Дона» подчеркивает слабость демократических институтов в пореволюционной России, невозможность разрешения противоречий вне бесспорного общегосударственного авторитета, которым в царской России являлся монарх.

В речах и Каледина, и Подтёлкова много справедливого, но у каждого из них — «своя» правда, партийная, которая не может служить общенациональным интересам. Казалось бы, всё справедливо в развернутом выступлении Каледина, оно выглядит даже пророческим: «Правительство не может сложить своих полномочий по требованию Областного Военно-революционного комитета. Настоящее правительство было избрано им населением Дона, и только оно, а не отдельные части, может требовать от нас сложения полномочий. Под воздействием преступной агитации большевиков, стремящихся навязать области свои порядки, вы требуете передачи вам власти. Вы — слепое орудие в руках большевиков. Вы исполняете волю немецких наёмников, не осознав той колоссальной ответственности, которую берёте на себя перед всем казачеством. Советую одуматься, ибо неслыханные бедствия несёте

вы родному краю... Я не держусь за власть. Соберётся Большой Войсковой Круг — и он будет вершить судьбами края, но до его созыва я должен остаться на своем посту» [3, 568].

Тем не менее, человек долга, А. М. Каледин проигрывает большевикам, в результате для защиты законной демократической власти на Дону остаётся всего сто сорок семь добровольцев. Почему Каледин, первый после революции выборный донской атаман, терпит сокрушительное поражение через полгода после избрания? М. А. Шолохов даёт оценку его деятельности через восприятие как простых казаков, далеких от политики, мечтающих возродить прежнюю стабильную жизнь на тихом Дону, так и «прожженных» политиков-авантюристов, которые стремились к полному отделению Дона от России. К ним относится «заядлый авантюрист» Ефим Изварин, который так определяет сущность несостоятельности атамана: «В создавшейся обстановке трудно служить в полку. Казаки мечутся между двумя крайностями — большевики и прежний монархический строй. Правительство Каледина никто не хочет поддерживать отчасти даже потому, что он носит со своим паритетом, как дурак с писаной торбой. А нам необходим твердый, волевой человек, который сумел бы поставить иногородних на надлежащее им место...» [3, 575].

Это одна позиция, но рядовые казаки типа Пантелея Прокофьевича скорбят об ужасной кончине атамана, и этот факт — мнение простого народа — учитывается М. А. Шолоховым в полной мере. Каледин жил по закону русской жизни и не отделял себя от целого — судьбы казачества и России. Прежде чем показать уход из жизни Каледина, автор представляет «народное мнение» о нём безымянного казака, кума Пантелея Прокофьевича: «По телеграфу передали, что надясь застрелился в Новочеркасском. Один был на всю область стоящий генерал. Кавалер был, армией командовал. А какой души был человек! Уж этот бы казачество в обиду не дал бы» [3, 589].

Смерть Каледина — и это следует поставить в заслугу писателя — подаётся как очередная жертва гражданской войны, как трагедия одинокого человека. Одиночество является амбивалентным феноменом, выражающим отчуждение, утрату целостности межличностной коммуникации.

М. А. Шолохов в сцене смерти Каледина пытается найти выход из одиночества, давая возможность герою обрести в жизни смысл. Писатель создает сценическое действие, полифоническое многоцентровое повествование о персонаже. Образная эмоционально-экспрессивная, психологически глубокая атмосфера отрывка выражает трагическое восприятие жизни атамана, где исторические обстоятельства являются необходимой предпосылкой раскрытия мира эстетических, социальных, вечных вопросов бытия.

Писатель рассматривает образ Каледина в его текучести, в непостоянстве душевного облика, раскрывая человеческое в человеке, казалось бы, дошедшем в своей моральной опустошенности до последней черты. Атаман осознает ненужность своей жизни и Корнилову, который оставил его, пытаясь защитить остатки Добровольческой армии, и казакам, и народу. А. М. Каледин не мог не испытывать боли, поскольку видел в руководстве Доном православное несение креста, самоотверженное исполнение долга чести. В его судьбе появляется нравственный тупик, острый конфликт неволеобременности своей жизни, который не зависит от воли персонажа, противоречит уму. Жесты, черты внешности, цветовое своеобразие характеризующих героя деталей («тяжело присел к столу», «верхушки щек его пожелтели», «выцветавшие угрюмые глаза», «синие тени»), сравнение: «словно тлен тронул и изжелтил лицо» — передают тяжесть, непосильный груз, внутренние страдания человека и аргументированное этим приближение смерти персонажа. Чтобы помочь А. М. Каледину найти в жизни смысл, М. А. Шолохов включает в диалог М. Богаевского, Карева, Молдавского, Янова, которые были участниками описываемой встречи. На всех ступенях развития сцены каждое мгновение жизни атамана является ожиданием его спасения, стремления найти точки соприкосновения с бытием.

Между сподвижниками Каледина существует духовная отчужденность. Атаман делает вывод, что пустословие, а не священный долг перед Родиной движет белыми и народом в целом, приводя к распаду страны. А. М. Каледин исполнен нетерпения в ожидании пробуждения голоса совести как возможного собственного духовного умиротворения. Появляется характерный для романа образ тишины, духовного покоя, но сочетание «стылая тишина» является результатом отсутствия необходимости искать глубинные ответы на вопрос участия в гражданской войне и возможного исхода жизни атамана.

В течение всей сцены атаман разочаровывается в своих приближенных, в его сознании появляются черты мутного начала («под обвисшими бровями тускло, слюдяным блеском туманились глаза»), он вновь теряет духовно-нравственную опору для жизни («безмерная усталость, отвращение, надрыв делали взгляд его отталкивающим»). Мимикой лица А. М. Каледина М. А. Шолохов снова подчеркивает приближение смерти, поскольку все стремления заглушить в себе измученную страданиями и бесконечными поисками выхода из тупиковой ситуации совесть приводят к отсутствию духовного выбора. Атаман борется с ощущением своей «ненужности», но победить не может. В репликах и жестах М. Богаевского видно стремление доказать А. М. Каледину, что он не одинок и его проблемы являются общими, частью целого, их разрешение возможно и не стоит

потери ценнейшего дара — жизни, но только его стараний оказывается недостаточно. Временно оставшись без А. М. Каледина, его приближенные максимально отделяются друг от друга, вынося ему смертельный приговор: «для такого человека, как Алексей Максимович, самоубийство — единственный приемлемый выход» [3, 608]. Убедившись в очередной раз в своем одиночестве и бесперспективности гражданской войны, Каледин ломается изнутри: «Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития» [3, 607].

М. А. Шолохов не описывает момент самоубийства, а показывает реакцию окружающих людей на произошедшее. Глубина переживаний персонажей отражает существенные черты подобных ситуаций в жизни и содержит проекцию трагического понимания образа А. М. Каледина в историческом бытии, а героев делает активными участниками трагедии. После самоубийства самый близкий человек, жена атамана, испытывает вопиющее к небу страдание, представляющее собой реакцию на неестественную смерть: «Ох! ох! — А — а — ха — ха! Але — о — оша! ... слышался неузнаваемо-страшный, раздавленный голос жены» [3, 609-610].

Ее чувства взаимодействуют с переживаниями всех участников встречи: «Богаевский, как при удущье, разрывая на себе ворот сорочки, вбежал туда. У окна, вцепившись в тусклую золоченую ручку, горбатился Карев. На спине его под сюртуком судорожно сходились лопатки, он крупно, редко дрожал» [3, 610]. Духовное смятение окружающих людей, которое мы видим после смерти атамана, показывает, что у них доброе сердце. Персонажи испытывают своего рода катарсис, очищение через страдание, поскольку они живут в сфере человеческих симпатий и могут чувствовать горе, скорбь по отношению к генералу. После смерти атамана персонажи впервые оказались морально сплоченными, их объединило общее горе, но М. А. Шолохов пытался возродить эти чувства в совести персонажей до момента самоубийства, чтобы спасти А. М. Каледина. Представители белого движения осознали ценность его жизни слишком поздно. Показывая нетерпеливое стремление героев увидеть атамана на смертном одре, М. А. Шолохов считает жизнь и смерть человека дарованными Богом тайнами, познать которые людям невозможно.

В описании А. М. Каледина, совершившего страшный грех, подчеркивается некая закономерная завершенность его судьбы, поскольку детали образа («сложив на груди руки, вытянувшись, голова слегка повернута набок, к стене, прижатую к наволочке щеку, глаза сонно полузакрыты») напоминают жесты спящего, абсолютно чистого в духовном плане младенца. Символика белого цвета («белая наволочка подушки, белый купол собора, дорога по чи-

стому снегу») показывает обретение долгожданной тишины. Смерть принесла персонажу умиротворенность, избавление от страданий, вечный покой, поставив перед участниками встречи проблему ценности жизни.

На лице А. М. Каледина навсегда остаются отпечатки невыносимых мук, повлекших самоубийство: «углы сурового рта страдальчески искривлены» [Там же]. В деталях, сопровождающих интерьер комнаты, в которой находится тело атамана, все расположено в таком порядке, как если бы он остался жить и на следующий день приступил к своим обязанностям: «Возле койки на спине стула аккуратно повешен френч, на столике — часы-браслет» [Там же]. И после смерти герой не отделяет себя от своего поста, оставаясь верным своему долгу; в этом контексте описание струйки крови («извилисто стекала по сорочке тонкая и веселая черно-рудая струйка») вновь говорит об индивидуальном успокоении героя и указывает на то, что кровь А. М. Каледина, вина за его гибель — на всех участниках встречи и на других людях, оказавшихся вверженными в преступное пекло гражданской войны. Атаман в силу своего душевного благородства, высоты моральных принципов и приобретенной во время этих событий трагической противоречивости характера, не нашел другого выхода, как великий грех — самоубийство. В настоящее время историки упоминают о предсмертной записке Каледина, адресованной М. В. Алексею, где самоубийство объясняется отказом казачества следовать за ним. Атаман просит создателя Добровольческой армии избавиться от мысли разбить большевиков по всей России, поскольку за ними сила. В противном случае генералов ожидает трагическая развязка, следствие предательства казаков.

Восприятие М. Богаевского проходит через всю сцену и является доминирующим при описании последнего фрагмента. В жестах героя подчеркивается желание воскресить к жизни А. М. Каледина, в смерть которого он не может поверить до конца, но время вспять не повернуть: «Криво качнувшись, Богаевский упал на колени, ухом припал к теплой и мягкой груди. Пахло крепким, как уксус, мужским потом. Сердце Каледина не билось. Богаевский — вся жизнь его в этот момент ушла в слух — несказанно жадно прислушался, но слышал только четкое тиканье лежавших на столике ручных часов» [Там же]. Представители белого движения, от которых зависел выбор атамана между жизнью и смертью, сочетают в себе индивидуализм и умение сострадать. В несовместимости начал их характера видны особенности национального менталитета и черты сознания смутного времени, когда русские люди начинают ценить жизнь человека только после его смерти. Жестами Богаевского автор утверждает ценность жизни, ее

быстротечность как для отдельного человека, так и для всего человечества. Вся рассмотренная сцена является призывом к изменению сознания, внутреннего мира людей, в противном случае Россию ожидает всеобщая смерть.

У М. А. Шолохова в эпизоде смерти Каледина особое звучание приобретает образ собора, над которым «кружатся и кричат вороны как над падалью». Писатель претендует на божественную перспективу в постижении и истолковании сверхличной, надындивидуальной правды бытия, что проецируется на постижение образа Каледина и других представителей белого движения. Можно выстроить вектор от храма (колокольни) ввысь, к полету птиц, от этой точки пространства в бесконечность, что говорит о дисгармонии, разрыве земной жизни с макрокосмосом вселенной.

Образ собора — точка соприкосновения земного и божественного мироздания — показывает, что причина всеобщей смерти в похоронившей Бога русской душе. Возникают ассоциации с греховной, испепеленной ненавистью и убийствами душой народа, не желающего прислушиваться к голосу своей совести. Зло в жизни человечества перерастает в космическое зло, начало, показывающее, что за человека в истории борются Бог и дьявол. Преступление против соотечественников, с точки зрения М. А. Шолохова, не может быть доказательством верности человеку или идее. Когда люди ведут кровавую борьбу, яростно, иступленно уничтожая друг друга, то истина перестает существовать. Сопричастность к убийству соотечественников разрушает человека изнутри так, что он теряет все ценности жизни. Безверие, забвение заповедей, послужившие нравственной первопричиной гражданской войны, могут способствовать духовной и физической смерти страны, приближению конца света.

Мнение писателя соответствует традиционной точке зрения о необходимости религии для каждого народа, поскольку без нее всякая общность обречена на вымирание. Символика храма подразумевает некий вечный, божественный космос, где искреннее глубокое единение народа противостоит вражде, разделению русских людей, предупреждая об опасности потери в пылу битвы против соотечественников традиционных, непреходящих, вечных ценностей. Выходом из всеобщей трагедии является соборность, духовное единство народа через его воцерковление, через принятие Бога, любви к соотечественникам, которое возможно только через храм, через покаяние в преступлении и красных, и белых перед народом («купол собора блистает», собор хотя пуст, но стоит). Религиозные, нравственные чувства дают возможность отличать добро от зла, сглаживая противоречивость любой личности. Идеологические расхождения становятся условностями, которые

можно и необходимо преодолеть, чтобы объединиться на универсальной, общей для всех, духовной основе бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкогонов Д. А. Троцкий. — Политический портрет. В 2-х книгах // Д. А. Волкогонов. — Кн. 1. — М. : «ООО

Фирма», Изд-во АСТ, АО Изд-во «Новости» (Всемирная история в лицах), 1999.

2. Шамбаров В. Е. Белогвардейщина / В. Е. Шамбаров. — М. : Изд-во Эксмо-пресс. Серия: История России. Современный взгляд, 2002. — 640 с.

3. Шолохов М. А. Тихий Дон: роман: в 2 т. / М. А. Шолохов. — М. : Эксмо-пресс, 2000. — Т. 1. — 704 с.

Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семёнова-Тянь-Шанского

Гречушкина Н. В., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры философии, социологии и теологии

E-mail: natgrech@yandex.ru

Lipetsk State Pedagogical University name after P. P. Semenov-Tyuan-Shan

Grechushkina N. V., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Philosophy, Sociology and Theology Department

E-mail: natgrech@yandex.ru